

Священник Константин Пархоменко

ЖИЗНЬ,

написанная
от руки

ДНЕВНИК
ПЕТЕРБУРГСКОГО
СВЯЩЕННИКА

Константин Пархоменко

**Жизнь, написанная
от руки. Дневник
петербургского священника**

ТД "Белый город"

2009

ББК 86.372

Пархоменко К. В.

Жизнь, написанная от руки. Дневник петербургского священника /
К. В. Пархоменко — ТД "Белый город", 2009

«Жизнь, написанная от руки» — дневник петербургского священника. Повседневная приходская жизнь с ее горестями и тихими радостями, маленькие чудеса, которые непременно случаются в жизни каждого церковного человека, размышления автора на духовные и мирские темы — все то в Церкви, что обычно бывает невидно и недоступно «внешним» — составляет содержание этой книги. Умение находить глубокий духовный смысл в незначительной и суетной повседневности — главная отличительная черта автора.

ББК 86.372

© Пархоменко К. В., 2009

© ТД "Белый город", 2009

Содержание

От автора	6
Жизнь, написанная от руки	7
Зима 2003	7
Лето 2003	9
Соловки	10
Украина	11
Осень 2003	13
Декабрь 2003	14
Весна 2004	16
Июнь 2004	18
Август 2004	19
Днепропетровск	25
28 августа 2004	27
Осень 2004	28
Январь 2005	29
Май 2005	30
14 мая 2005	31
19 мая 2005	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Священник Константин Пархоменко **Жизнь, написанная от руки.**

Дневник петербургского священника

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

Святейшего Патриарха Московского

и всея Руси

АЛЕКСИЯ II

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

интернет-портал «Православная книга России»

www.pravkniga.ru

От автора

Однажды я поймал себя на мысли, что за те годы, что я служу священником, я был свидетелем множества потрясающих историй, событий. Много, очень многое из прочитанных книг, из продуманного как-то отозвалось в душе... И все это забылось, ушло, потому что жизнь не стоит на месте. На смену сегодняшним впечатлениям, мыслям завтра придут другие, и то, что взволновало сегодня, – забудется. И я решил записывать все то, что меня взволновало, запомнилось, о чем думалось.

Так родился этот Дневник.

Перечитывая эти записи, лишний раз убеждаешься, что Бог и сегодня действует так же, как действовал и всегда. Особенно, конечно, это очевидно для священника, профессия которого – встречаться и общаться с людьми. И молиться за них и вместе с ними.

Удивительное событие в нашей жизни мы называем чудом¹. Но чудо – это не только сверхъестественное явление. Таким чудом, вызывающим некоторые положительные процессы в душе, может быть и случайная встреча, и прочитанные в книге слова. Если присмотреться к своей жизни – замечаешь, что она полна чудес, маленьких откровений Божиих.

В героях этих записей многие мои прихожане узнают себя. Это они и есть. Почему я позволил себе огласить некоторые случаи, ситуации, беседы, поведенные мне? В этом отношении я руководствуюсь словами святителя Иоанна Златоустого: «О тайне царевой удобнее молчать, а дела Божии прославлять». Не упомянуть о чудесах Божиих, пусть даже личных, мне кажется не совсем честным. Упомянуть и прославить Бога!

Что до иных историй (а есть и смешные), то порадуемся, что они могут кому-то послужить в назидание.

Нередко в пастырской деятельности бывают случаи, когда прихожане, рассказывая о чем-то, просят, чтобы это осталось «между нами». Эту просьбу я всегда выполняю. Рассказов о том, о чем просили хранить тайну, в этой книге (как и в других) вы не найдете.

И, наконец, еще одно: принимая решение опубликовать эти свои записки, я исходил из убеждения, что проповедовать нужно не только устно, но и письменными трудами, чего большинство наших пастырей не делают. Как прекрасно сказал св. равноап. Кирилл, просветитель славянский: «Проповедовать только устно – все равно что писать на песке»².

Трудами прихожанок Ирины и Дарьи мои блокнотные записи были набраны на компьютере, за что приношу сестрам во Христе особую благодарность.

Иерей Константин Пархоменко

¹ Древнее русское слово «чудо» (отсюда чудиться, удивляться) означает что-то удивительное.

² Цит. по: Священномученик Онуфрий (Гагалюк), архиеп. Курский и Обоянский. / В кн.: игум. Дамаскин (Орловский) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия РПЦ XX столетия», т. 4. Тверь, 2000, с 185.

Жизнь, написанная от руки

Зима 2003

Один прихожанин говорит на исповеди: «Вот, батюшка, куда ни посмотрю в церкви на верующих – ложь, фальшь. Все заботятся только о своем благополучии. Для этого и молятся, и просят Бога: дай, дай! Постные лица, ничего нет в этих людях доброго».

Убеждаю: но ведь я исповедую людей, я знаю их души, их жизнь. Поверьте, многие из них искренни. И молятся не для того, чтобы выторговать что-то у Бога, но потому, что любят Бога и людей, готовы активно служить людям.

Этот человек махнул рукой: «Да нет, батюшка, вы просто доверчивый человек».

Но я-то знаю, что он неправ. Потому что в нескольких метрах от него стоит Л., молодая девушка, студентка, которая навещает одну старушку, ободряет и помогает ей (кстати сказать, старушку вреденькую, эгоистичную, неверующую), приносит радость четырех летнему малышу в детдоме, она же дружит со слепой девушкой, даря той такое дефицитное общение. Эта же Л. несет много других замечательных послушаний.

А вот бездетная пара – С. и А. Это состоятельные люди, они оказывают материальную помощь храму, а недавно взяли двух малышей из приюта.

Вот пятидесятилетняя Л. Сегодня она работает в котельной, раньше была маляром. Со своей подругой В. они сделали бесплатный ремонт в квартире одного хорошего, но малоимущего человека.

Она тоже имеет добровольно взятое на себя послушание, навещает и окормляет больную старушку. А каждый год (КАЖДЫЙ!) она на свою дачу, где сама ухаживает за мужем, детьми, внуками, берет из дома инвалидов безногую женщину. И, представьте себе, безногий инвалид, эта женщина, знает, что каждое лето она будет не в городе, не в своей палате, а на природе, где поют птицы, шелестит ветер. Она как член семьи будет есть вместе со всеми, смеяться и радоваться.

...Да, есть плохие христиане, христиане по названию... Но зачем равняться на них, ведь есть настоящие подвижники веры, лучшие люди. И, может быть, будем брать пример с них, с лучших, а не с худших...

* * *

Женщина пришла на исповедь. И сразу начинает много и быстро говорить. Не по делу. Я хочу остановить ее, спросить, как зовут, задать кое-какие вопросы. Но женщина меня не слушает и продолжает, продолжает говорить.

Я:

– Подождите, я хотел...

Она:

– И еще, батюшка...

– Ну, стойте же, дайте сказать вам слово...

– Сейчас, батюшка, ой, извините, еще у меня...

И опять без перерыва. Думаю, чем все это закончится. Дал ей высказаться. Минут через пять-семь словесный поток иссякает. Женщина замолкает, смотрит в бумажку с записанными грехами. Я, выждав паузу, открываю рот, она тут же:

– Ах, чуть не забыла, еще один грех: я много болтаю, всех перебиваю и никого, кроме себя, не слушаю...

* * *

Часто спрашивают: почему в Церкви есть недостатки, ведь мы называем ее Святой? На эту тему самое лучшее из тех, что знаю, – замечание протопресвитера Николая Афанасьева: «Действие эмпирических фактов на церковную жизнь до известной степени является естественным и законным. Это есть та дань, которую платит Церковь за свое пребывание в эмпирической жизни» (статья «Неудавшийся церковный округ»).

Как верно! За пребывание в реальном, нашем, к сожалению, далеко не безгрешном мире приходится платить тем, что и на святых членов Церкви – и на мирян, и на батюшек, и даже на архиереев – мир оказывает не всегда положительное влияние.

Поэтому грехами служителей Церкви и вообще христиан соблазняться не стоит. Постараемся в самих себе минимизировать это воздействие эмпирии мира сего.

Лето 2003

Давно мечтали посетить знаменитые Соловки. И вот – на поезде до станции Кемь, оттуда – на небольшом корабле до Соловков.

Соловки

Невероятно красивое небо, даже в самые темные часы ночи совершенно светлое. Огромные комары, сильные ветры.

И что бы мы ни делали (обедали, гуляли) – постоянное ощущение того, что эта земля, напитанная кровью христианских мучеников XX века, вопиет к Богу об отмщении. Здесь я, несомненно, прочувствовал, что слова Господа, сказанные Каину: *Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли (Быт. 4, 10)*, – больше, чем красивый оборот, этот вопль земли действительно можно услышать. Здесь также все вопиет к отмщению, ибо большевиками было поругано и осквернено. И знаем, что *Господь долготерпелив и велик могуществом, и не оставляет без наказания; в вихре и в буре шествие Господа, облако – пыль от ног Его (Наум 1, 3)*.

В первый же день пребывания на Соловках Ульяна (наша младшая дочка) упала с велосипеда и повредила ногу, так что мне пришлось ее носить на плечах.

С продуктами скудно. Особенно хотелось почему-то молочного, а его здесь нет, потому что товары везут по шесть часов без холодильника, и за это время все молочное портится. Удалось один раз договориться с рыбаками и купить у них свежевыловленной сельди. Рыба очень вкусна, недаром соловецкая сельдь до революции считалась лучшей в мире.

Идет медленное восстановление монастыря. Повсюду постройки (или развалины от них) двух эпох жизни острова: монастырские, разного времени, и советские.

Перед входом в собор, в котором и в жаркий летний день изо рта идет пар, стоит расстрелянный колокол. На территории монастыря соседствуют две организации: собственно монастырь и музей-заповедник «Соловки». Корпуса, принадлежащие музею, – в безукоризненно отремонтированном виде. Деньги – от иностранцев, приезжающих сюда во множестве.

Музейные работники относятся к монастырю не как к монастырю, а как к средству для извлечения прибыли. Полное равнодушие к духовным темам. Спрашиваю у девушки, продающей сувениры на территории монастыря: где мощи свв. Зосимы, Савватия и Германа Соловецких?

– А я откуда знаю?..

Впоследствии выяснили, что мощи находятся как раз в храме, напротив которого стоял лоток этой девушки.

Местные в монастырь не ходят. Какое-то предубеждение у них.

Многие из островитян – потомки тех самых конвоиров, которые охраняли и обслуживали лагерь. Есть хорошие лица, но много злых и невероятно много порочных. Внуки и правнуки надзирателей...

Большевики вообще истребили генофонд России, а на Соловках, достаточно изолированном острове, где коммунистическая «селекция» представлена в особо выпуклом и концентрированном виде, эти «потомки» представляют жуткую картину – опустившиеся, озлобленные люди.

Живут и в новых домах, и в бараках, срубленных еще во времена существования лагеря. На стенах этих домов до сих пор сохранились вырезанные ножом имена и даты – сороковые-пятидесятые годы.

Когда уплывали с острова, изумительным огненно-красным шаром над гладью воды восходило солнце.

Украина

Вторую половину отпуска проводим на Украине (поселок Царичанка Днепропетровской обл.) у моего семинарского друга отца Вадима.

Утром поют петухи, до ночи в кафе через дорогу гуляют местные жители – поют песни, гремит музыка. Директор кафе, полная женщина, в знак раскаяния приносит отцу Вадиму что-нибудь вкусное.

Жутко любопытные люди. Узнав, что из Питера к батюшке приехал другой батюшка, стремятся разузнать, что мы делаем. А мы как раз разводили костер, чтобы пожарить шашлыки.

Обратил внимание на то, что один человек пять раз мимо нашего двора проехал туда-обратно и все время выворачивает шею, чтобы побольше увидеть. О. Вадим смеется – привык: «Нужна пища для разговоров, сплетен».

* * *

О. Вадим рассказывает, как однажды освящал квартиру. Закончил, собирается. Хозяйка спрашивают: «Это все?» Он: «Все». Хозяйка: «Странно. Когда мы освящали свой дом, батюшка пришел с... дрелью. Сверлил в стенах дыры и закладывал туда кресты. А вы почему этого не делали?» Вот это литургическое творчество!

Украинская зарисовка. На Украине действует раскольничья церковь, возглавляемая анафематствованным монахом Филаретом. Филаретовцы, чтобы поощрить приходящих к ним, принимают к себе всех желающих и дают им высокие чины. Священник сразу может стать епископом и проч. Итак, совершенно реальный случай: батюшка из канонической Украинской Церкви выпивает вместе с епископом филаретовской церкви, бывшим когда-то священником соседнего села, но уволенным за штат за пьянку. Когда выпили порядочно, тот встает, качаясь, харизматически хлопает ладонью об стол: «Все! Сейчас же едем в Киев! Там тебя, отец Иван, тоже быстренько в епископы рукоположат».

* * *

На службе в украинском селе. Настоятель благодарит администрацию поселка: «В ваших усилиях по благоустройству села – людям дают зерно для посева, дают землю, поощряют фермерство... – мы видим несомненное исполнение заповеди Божией: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и обладайте ею».

* * *

Наши дочери, Ульяна и Катя (6 и 9 лет), решили хорошо подготовиться к Причастию. Встали в 6 утра, читают акафист. По очереди. Зашла Лиза и рассмеялась. Пока Катя читает свою часть акафиста, Уля делает зарядку для глаз. С детской простотой совместила два полезных дела.

* * *

Были в Киеве. Великолепная погода, прекрасное настроение. Много впечатлений. Впервые в Киево-Печерской Лавре.

Приехали в Киев около половины шестого утра. Оставили вещи в камере хранения – и сразу в Лавру. Дождаясь открытия, пили кофе с булочками в открытом кафе под стенами монастыря. Наконец открывают врата, и мы самые первые из посетителей входим в святые стены.

Конечно, потрясли пещеры, в которых лежат подвижники, но самое потрясающее – замурованные кельи затворников. Для преступника нет страшней наказания одиночным заключением. Люди просто сходят с ума от одиночества. А тут человек сам уходит в затвор на всю жизнь! Его замуровывают и оставляют только маленькое отверстие – иногда со спичечный коробок, для того, чтобы передавать еду, забирать отходы. И он остается там на десятилетия. Стиснутый стенами, погруженный во тьму. Без свечей и духовных книг, даже без Евангелия. Только с краткой молитвой, которую он повторяет и бодрствуя, и во сне.

А когда умирал – монахи просто закладывали это отверстие камнем.

В наше время камни вынули, вставили стекло.

В киевских пещерах много таких келий затворников. К одному стеклу мы приставили видеокамеру с инфракрасным лучом, и она сняла внутренность кельи: каменная лежанка, человеческие кости в полуистлевшем монашеском облачении.

Почему эти отшельники в своем одиночестве не сошли с ума? Потому что они не были одиноки! Их тело было в темной пещере, но душою они были на небесах, во свете, с Господом, Богородицею, сонмом святых и Ангелов. Вот их собеседники, их друзья.

Ужинали на скамейке на Владимирской горке. Рядом – собрание баптистов. Свидетельствовали, как у них принято, громко молились. Грустно было, что на том месте, с которого св. князь Владимир обозревал берега Днепра во время Крещения Руси, теперь место собрания баптистов.

* * *

И еще из этой же серии. Во время нашего пребывания в Киеве на Украине проходил Всемирный конгресс свидетелей Иеговы. Говорят, в Киев приехало до 200 тысяч иеговистов. В каждом магазине, вагоне метро, словом, везде иеговисты с характерной биркой на груди. Спросишь: «Как пройти?..» Они, улыбаясь: «А как имя нашего Бога?..»

Говорил у о. Вадима в храме на эту тему проповедь: что бы сказал князь Владимир, если бы оказался сейчас здесь, с нами. Отступление от Православия в секты, неверие украинцев, магизм, колдовство, душевная скверна – осуждение, сплетни, зависть...

* * *

Духовное откровение старца Софрония (Сахарова), ученика преп. Силуана Афонского. Однажды о. Софроний целую ночь молился о страждущих, страдающих людях. И вот ему пришла мысль: если я так, всею силою моего сердца сострадаю человечеству, то как понять Бога, безучастно смотрящего на страдания людей, многих миллионов им же созданных людей? «Где Ты?!» – возопил о. Софроний к Богу. И услышал в сердце слова: «Разве ты распялся за них?»

Осень 2003

Сделали ремонт, поклеили новые обои. Прекрасные голубые обои с тонким белым рисунком. Комната приобрела строгий, аскетичный вид. Но надо повесить иконы, снятые на время ремонта. А от икон отвыкли, кажется, что они будут лишними на этих стенах. Но, конечно, решили повесить. Я вытер от пыли одну большую икону, внес в комнату, поставил на пол, пошел за другой. Возвращаюсь – и вижу, что икона преобразила комнату. Она внесла в голубую элегантную, но, как вдруг очевиднейшим образом показалось, безжизненную, пустую комнату – жизнь. Вынеси икону – и, кажется, комната «умрет», хотя еще пять минут назад мы не могли бы в это поверить. Поистине в нашей комнате появилось «окно в горний мир».

Сделал вывод: икона никогда не может повредить никакому дизайну.

(Правда, сделаю оговорку. Речь идет не о современных ярко раскрашенных в живописном стиле бумажных иконах, а об иконе, писанной на дереве в согласии с православными канонами иконописания.)

Декабрь 2003

У одной нашей прихожанки были проблемы с 15-летней внучкой. Плохая компания, неприятности в школе, плохо учится и проч. Она спросила: «Можно к вам прийти с внучкой, побеседовать?» Я пригласил. Но они все не идут и не идут, откладывают, хотя собираются. Сегодня утром звонит и плачет в телефонную трубку: внучка вчера сбита машиной. Насмерть.

Нельзя откладывать дело спасения! Дьявол, как голодный лев, ходит и ищет, кого поглотить, на кого наброситься! А мы об этом забываем, проявляем небрежность в деле спасения. Это как если бы человек был смертельно болен, но время лечения все откладывал бы на потом.

* * *

Я очень люблю петербургского иконописца Ростислава Мартыновича Гирвеля. Считаю его лучшим на сегодня иконописцем Петербурга.

...Однажды Ростислав Мартынович написал для нашего собора икону любимой петербуржцами святой блаженной Ксении. Пока думали, какое место в храме определить для этой иконы, ее поставили возле алтаря, прямо напротив хора. А хор наш состоит преимущественно из светских, нецерковных людей, которые любят поговорить на посторонние темы прямо во время богослужения.

Через некоторое время хористы меня спросили: «Отец Константин, а эта икона будет теперь всегда стоять напротив нас?»

Я, удивленный, чем могла им помешать икона, находящаяся на расстоянии 10 метров, поинтересовался: «А почему вы об этом спрашиваете?» «Просто мы не можем сидеть перед ней и разговаривать. Как-то стыдно; кажется, что икона смотрит прямо на тебя, кажется, будто она живая».

Примечательно то, что, кроме этой иконы, к хористам были обращены все иконы иконостаса, но они этого никогда не замечали...

То, о чем я рассказал, – не случайность, не выдумка. Примерно за два года до разговора с девушками из нашего хора я был настоятелем в маленьком пригородном храме. Запрестольный образ – Богоматерь, восседающая на троне, – был написан по моей просьбе Ростиславом Мартыновичем. Этот образ был обращен ко мне, когда я стоял у престола, ликом.

И я все время чувствовал себя, в прямом смысле, как бы перед Лицом Богоматери. Между мною и образом Пречистой словно происходило невидимое общение. Я не знаю, как это передать словами, но я действительно воспринимал себя как бы стоящим перед Нею. И когда мысль вдруг во время богослужения отбегала от молитвы, мне становилось перед Богородицей за это стыдно.

Один богослов назвал икону «окном в горний мир» (то есть в мир небесный). Вот та икона, перед которой я стоял, была самым настоящим окном в горний мир. Она излучала такое внутреннее сияние, Лик Богоматери светился такой внутренней женственной красотой и одновременно силой, он был наполнен такой жизнью, но жизнью не земной, не плотской, а как бы сверхъестественной, что, стоя перед ним, невозможно было оставаться таким, как прежде. Эта икона, если можно так выразиться, «подтягивала» к Небу, исправляла.

Вскоре я был из этого храма переведен в другой. И сейчас я стою перед барочной иконой XVIII века, иконой, переданной собору на время из Русского музея. Но чувство пред стояния перед иконой, как перед окном, входом на Небеса, исчезло.

Бывший советник секретаря Ленинградского горкома Романова рассказывал мне, что как-то в середине 70-х годов получил от шефа указание... составить коммунистический чин бракосочетания: «Чтоб воздействовал на психику так же сильно, как церковный». «Походил, –

рассказывает, – по храмам, посмотрел, как венчают, какие обряды используются...» Вернулся и докладывает Романову, что ничего у них не получится. Тот: «Почему?» – «Ладно, выпить вина из бокалов дадим, короны на голову – можно... Но свечи-то все равно нельзя ввести...»

Весна 2004

Рассказывал семинарист С., который водил экскурсии в церковно-археологическом кабинете при Московской духовной семинарии.

Была делегация, кажется, из Чехословакии, и там среди всех был маленький седой архиепископ. После экскурсии они с С. разговорились, оказывается, он учился в сороковые годы вместе с Алешей Ридигером (нынешним Патриархом Московским и всея Руси). Вместе учились, вместе проводили время, бегали в город, на Невский. Время от времени студенты Семинарии и Академии посещали известного старца, жившего на окраине Ленинграда, – иеросхимонаха Серафима Вырицкого.

И вот этот архиепископ, тогда еще очень молодой человек, как-то тоже посетил старца, стал жаловаться, что он не знает, как вернется в Чехословакию, как будет служить: там, у него на родине, на религию идет большое наступление, Церковь преследуют.

Отец Серафим сказал, чтобы юноша ничего не боялся, спокойно возвращался, служил Богу. Добавил: «Ты еще там архиепископом будешь...»

Возвратившись в Семинарию, молодой человек стал с ребятами в общежитии обсуждать поездку к старцу: «Какой архиепископ?.. Я жениться собираюсь, уже невеста есть...» «Да ладно, – сказали, – не обращай внимания, старец иногда что-то не то говорит, он вообще вон Леше Ридигеру сказал, что тот Патриархом будет!»

* * *

Был в тюрьме, исповедовал и причащал заключенных девушек. Конечно, они не невинны: кто-то участвовал в драке, кто-то украл. Но искренне (священнику приходится исповедовать тысячи людей, и видно, когда человек кается, а когда просто произносит правильные слова, а сердце его закрыто) каются, плачут, хотят начать новую жизнь.

Потом говорил с психологом тюрьмы, которая общается с этими девушками. Психолог – холеная, следящая за собою женщина. Говорит: «Мы-то с вами, отец Константин, нормальные люди, не то что эти...» Спрашиваю: «Вы верующая?..» Молчит. Потом: «Все во что-то верят...»

Потом думал, почему мне ее слова «Мы-то с вами нормальные» неприятны. Потому что это ложные слова! Я не вижу никакой разницы между этими девушками и собой. Видимо, такое понимание дается человеку лишь в христианстве, которое говорит о человеческих грехах. Грехах не только совершенных, но и грехах мысли и чувств.

Эти девушки украли, ударили кого-то ножом в драке, их поймали. Мы же, не совершая плохих поступков въаве (нас сдерживает воспитание, наше положение, иной раз и опасение, что будем пойманы), постоянно грешим мысленно.

Чем мы лучше?

* * *

В американском фильме 2004 года «Холодная гора» говорится о любви двух людей, которые виделись всего несколько раз и очень непродолжительное время. Война их разлучила, и они ждут встречи три года.

И вот, когда они встретились, главный герой рассказывает, что помнит каждое слово, сказанное ему девушкой во время их кратких встреч. Но ведь этих слов было сказано так

мало, говорит она... Это ничего, говорит он, то, что она ему сказала, – это маленький мешочек алмазов, и *каждое* слово ее – алмаз.

Мы часто много говорим, говорим о пустом, разбрасываемся словами, метко подмечают: «болтаем», то есть просто качаем, машем языком туда-сюда. К слову нужно относиться бережнее.

* * *

Блаженный Августин в «Исповеди» рассказывает о своей нравственной деградации в юношеском возрасте. Он все больше погружался в пучину греха, как он сам пишет: «Я метался, растрчивал себя, разбрасывался, кипел в распутстве своем». А потом пишет о духовном пробуждении. Замечательны его слова, обращенные к Господу: «О, поздняя Радость моя!»

Эти слова, наверное, могли бы сказать многие из нас. Блаженный Августин пишет, что «жизнь, которой мы живем здесь, имеет свое очарование». И дальше он описывает многие из элементов нашей жизни: дружба, общение любимых, красота природы, вкус пищи, даже земные почести и слава! Все это может быть благословлено Богом, может приобщать нас Богу, а может удалять от Бога. Если человек неправильно, извращенно пользуется всеми благами мира, которые дал нам Господь (а мир во многом и утерять «инструкцию» правильного пользования благами мира, лишь Церковь эту инструкцию хранит), то все это способствует не нашему спасению, а нашему осуждению. «Так блудит душа, отвратившаяся от Тебя и вне Тебя ищущая то, что найдет чистым и беспримесным, только вернувшись к Тебе» («Исповедь»).

* * *

Один человек, обладающий великолепным голосом, готовился стать диаконом. И вот он говорит мне: «Я не могу представить, что, когда меня рукоположат, я с этого момента навсегда (!) стану священнослужителем. Что бы я ни делал – и гуляя в одиночку, и отдыхая с семьей, и общаясь с друзьями, посещая театр, баню, – я *всегда*, в каждое мгновение буду священнослужителем. Страшно от ответственности!» И этот человек попросил пока отложить хиротонию.

Это очень честно. Если человек готовится стать священником, он должен понимать, что всем существом своим отныне он будет примером миру: и для верующих, и для неверующих. Нельзя быть в какой-то момент служителем Церкви, а в какой-то – обычным человеком.

* * *

«Есть два главных человеческих греха, из которых вытекают все прочие: нетерпение и небрежность. Из-за нетерпения люди изгнаны из рая, из-за небрежности они не возвращаются туда. А может быть, есть только один главный грех: нетерпение. Из-за нетерпения изгнаны, из-за нетерпения не возвращаются» (Ф. Кафка)³.

³ Франц Кафка. Афоризмы. / Превращение. Рассказы. Афоризмы. СПб.: «Азбука». 2000.

Июнь 2004

Готовлю цикл передач о чудесах Божиих. И решаю в свои передачи включить живые, записанные на диктофон свидетельства людей, в жизни которых Бог сотворил чудо.

Опрашиваю несколько десятков людей, моих добрых знакомых, прихожан. Конечно, смотрю, чтобы это были самые трезвомыслящие люди и активные христиане.

И вот, собирая свидетельства, вдруг отмечаю потрясающую вещь: оказывается, в жизни каждого было событие, которое этот человек толкует как несомненную помощь Божию, чудо. Но у всех – один (!) такой случай. Реже – два. Практически не бывает, чтобы три.

Конечно, и вся остальная жизнь воспринимается как цепь чудесных Божественных действий. Но вот такое явное чудо обычно одно.

Это нам с вами показывает, как Господь экономно творит чудеса. Обычно для укрепления в вере дает одно чудо, редко – два. Почему так? Может быть, чтобы вера наша была именно верой, а не знанием о Боге?.. И чтобы в нашей жизни мы жили по-христиански из любви к добру, а не по принуждению Всеведущего Бога и не из боязни быть наказанными?..

Вот эта странная статистика чудесного, на которую я наткнулся, объясняет и то, почему вообще мало чудес в мире.

Чудо – это не эффектная демонстрация для неверующих. Это поддержка для верующего!

Август 2004

Украина

Провели три недели на Украине, в селе Царичанка, в гостях у о. Вадима Фролова, его жены Зои и их детей Ксюши и Юли.

Под пение петухов вставали и завтракали. Свежий зеленый салат, омлет из домашних яиц, чай. Правда, вода здесь минеральная. Минералка, только не газированная, течет даже из-под крана. Холодную пить – вкусно: соленая, горчит, очень полезно. А когда горячая – бульон выходит, «дюже погано». Поэтому чай здесь пить не принято. Все больше сок (сш) да компоты.

Завтракаем мы вместе. И каждый раз за завтраком я толкую, как мы условились, фрагмент Символа Веры. Одну-две строчки. Это всего 5-10 минут. Повторяем предыдущее. Дети внимательно слушают, не перебивают (рты заняты). После завтрака можно задать вопросы. Такая ненавязчивая Воскресная школа. После завтрака гуляем или играем. Кто-то в гамаке. Я с чашкой чая читаю, сажусь на скамейку. Или сходим на речку покупаться, шашлыки пожарить. Или просто погулять в лес.

В воскресные и праздничные дни в храме. Я служу и проповедую. Потом идем домой. Отношение людей очень доброжелательное. Как и в прошлом году, говорили: «А на шо вам, батюшка, этот сырой Питер, приезжайте та оставайтесь с нами, не пожалеете». Приносили всякие продукты. Изобилие приносимых тут «батюшке» фруктов и овощей трудно представить.

* * *

В Царичанке многие, разумеется, держат кур.

Но в этой деревушке обычая носить яйца священнику нет. Могут принести котлет, вареников, вина, но яиц нет, может быть, считают это неприличным... Но священник ведь тоже, как и другие люди, употребляет яйца, и тут, в украинской деревне, священник идет на базар их покупать. Не абсурд ли? Покупая в очередной раз яйца на рынке, я спросил о. Вадима, почему не носят яйца?... Он развел руками. Тогда на проповеди, рассказывая о петербургских верующих (и проводя педагогически полезные параллели между ними и украинскими верующими), заметил, что я живу в центре Петербурга. И многие люди заботятся о священнике. Приносят что-то из продуктов. Одна прихожанка держит кур на балконе. И она мне каждое воскресенье приносит на службу десяток домашних яиц.

Я и спрашиваю: как это понять? В центре Петербурга я и моя семья всегда имеем домашние яйца, а здесь никто никогда батюшке не принесет...

Бабушки потом кланялись и говорили: «Спасибо, батюшка, шо вразумил, мы бы сами не додумались».

И с этих пор о. Вадиму стали приносить яйца.

* * *

Автор книги зарисовок о церковной жизни прот. М. Ардов как-то записал такие сценки с натуры:

«За десять лет священства мне пришлось отпеть не одну сотню покойников. Видел я похороны многолюдные и совсем малолюдные, видел людей, убитых горем и рыдающих, видел и равнодушно стоящих у гроба...

Вот картина довольно типичная. Поближе к гробу в храме стоят несколько немолодых женщин – эти молятся. Чуть подальше более многочисленная группа женщин помоложе, эти

изредка крестятся и внимают чинопоследованию с уважительным любопытством. А сзади всех стоят мужчины. (Тут хочется написать: мужики.) Вид у них унылый, в глазах тоска и ожидание – когда это все кончится?.. Ведь еще надо будет идти на могилу, потом ехать с кладбища в дом к покойному... Когда еще только сядем за стол и нальем по стакану... Вспоминается мне кладбищенский храм под Ярославлем. Гроб уже стоит в церкви, я иду из дома, чтобы совершить обряд... А мужики, бедные, лежат на травке у самого алтаря и молча провожают меня глазами. Один не выдерживает и говорит мне вслед:

– Ну, ты, батя, там поживей...»

У меня здесь, в Царичанке, был более интересный случай.

Как-то о. Вадим заболел и меня попросил вместо него походить на требы. Крестил младенцев, отпевал. Познакомился со специфическим деревенским похоронным ритуалом: обязательно причитания родственников, перед тем, как закрываем гроб, – крики, что тем более удивительно, что эти же люди секунду назад совершенно нормально, даже прагматично рассуждали на всякие житейские темы. Отпеваем дома, потом несем гроб на кладбище. Впереди несут крест, весь обвязанный женскими платками. Потом идет священник. Потом идут старушки, которые несут крышку гроба. На крышке – каравай хлеба с солью. Я иду и пою молитвы. Старушки, которые минуту назад причитали, идут сзади меня, несут крышку гроба и говорят о ценах на картошку, откровенно сплетничают, так что мне приходится через каждые сто шагов останавливаться и строго смотреть на них, а иной раз и пристыдить: «О чем вы говорите?..»

На кладбище – краткая заупокойная служба. Вопли в течение нескольких минут – ритуал. Потом совершенно спокойно вытирают слезы, отламывают по кусочку каравай, макают в соль, становятся в сторонке. Когда гроб опустили в землю и все бросили по горсти земли, все сразу, подчеркнуто оперативно, расходятся. Считается неприличным оставаться, пока сделают могильный холмик, остаются только ближайшие родственники.

Есть и другой вариант: гроб закапывается, а потом священник должен лопату четырежды воткнуть в могилу со словами: «Печатается раб Божий (имя) во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Считают, что если так не сделать, не запечатать покойника, то он может вылезать из могилы и тревожить живых.

Потом поминки. Обычно на дворе дома, где жил покойный. Часто переходят в пьянку.

Я не оставался, хотя положено батюшке оставаться, ссылаясь на неотложность дел и быстро уезжал. Мне с собой всегда давали большой платок, полный еды, еще несколько женских платков – на помин души, несколько сеток овощей, фруктов, флягу самогонки или бутылку водки.

И вот однажды, это было в первый раз, когда я отправился отпевать, я из храма захватил подготовленный мне о. Вадимом чемоданчик со священными принадлежностями. Проверил, что в кадиле лежит уголек. Все, как мы условились.

Это был специальный прессованный, т. н. химический уголь, который стоит немного поджечь с одной стороны, и скоро он весь загорится. Я не знал, что это был какой-то особый уголь, местного изготовления, плохо разгорающийся, вернее, чтобы он горел, его нужно было раскалить весь.

И вот алым огоньком у меня засветился бок угля, я, раскачивая кадило в воздухе, сказал речь перед отпеванием. И начал отпевание.

И тут открыл кадило... Открыл кадило, чтобы положить ладан, – уголь к этому времени должен был пылать, но он был совершенно черным и холодным.

Взял в руки зажигалку, еще раз сосредоточенно разжег уголь – и через минуту он совершенно погас.

Отпевание шло своим чередом. Предпринял еще одну попытку. Безрезультатно. Что делать, если кадило совершенно не хочет гореть? Перед чтением Апостола прервал отпевание, подошел к группе мужиков, куривших в сторонке, и попросил их разжечь кадило.

Они с охотой взялись за дело. Но время шло. Отпевание подходило к концу, а мужики все колдовали над кадилом. Наконец перед самым отпуском один подходит и протягивает мне кадило. Я взял, а мужик наклонился и просипел в ухо: «Батюшка, это... не получилось».

После такого «соблазнительного» отпевания без самого главного в представлении людей атрибута – кадила (это в украинской-то деревне! – двойная катастрофа) – ко мне подошли мужики. И дали мне замечательный совет: «Батюшка, вы это... всегда имейте при себе пузырек бензина. Плеснете, и кадило сразу займется».

* * *

В один из дней дети были заняты тем, что строили себе шалаш: из щепочек, реечек и тряпочек. Мы умилялись, снимали на камеру, как они (вчетвером) с обеда до темноты ковырялись и строили милое хрупкое сооружение. Ночью был сильный ветер и дождь. И весь их шалаш превратился в груды обломков – висели мокрые тряпки с реечками.

Дети расстроились, ходили вокруг и страдали. Тогда я им пообещал, что создам новый шалаш, настоящий. Я взял топор, пошел в лес и нарубил кольев и длинных прутьев. Колья вбил в землю, переплел прутьями (две комнаты с переходом). Настлали крышу (колья, переплетенные ветками, и полиэтиленовая пленка), сверху навалил свежей травы и сена.

Получился настоящий домик, в котором будет сухо и в ливень.

* * *

Под стрекот цикад, вечерами, читаю книги из библиотеки о. Вадима. Несколько выписок из них:

«...Грех легче принимать, чем его выгонять... Так бывает и с телесной болезнью: встанет человек небрежно на сквозняк, постоит минут десять и простудится, а потом эту болезнь месяцами надо выгонять, а у некоторых болезнь и в хроническую форму переходит, так и болеют до смерти. Избави Господи! Вот так и в духовной жизни бывает» (схиигумен Савва)⁴.

Или вот расскажу о двух стихотворениях. Ничем не выдающихся, малоизвестных, но так случилось, что попали они мне на глаза в один и тот же день. И, как мне показалось, они об одном.

Сначала, утром, в детской книжке встретил одно и думал над ним... Потом, к вечеру, – другое. Приведу их и позволю себе кратко прокомментировать.

**Жизни сладостные тайны
Обнимают все творенье.
Этот мир – стихотворенье
Об одной любви бескрайней.**

**Но так часто мы бываем
В этом мире не такими.
Я слезами обливаюсь**

⁴ Схиигумен Савва. Семена Слова для нивы Божией. Избранные поучения на исповедях, молебнах и панихидах. М.: «Елеон». 1999. С. 31.

Над объятьями людскими.⁵

Это архиепископ Иоанн (Шаховской).

Все стихотворение – о любви Божией, объемлющей, пронизывающей творение. Но человек искажает Божий замысел. Об этом – последние строки:

**Я слезами обливаюсь
Над объятьями людскими.**

Объятия, задуманные как жест большой нежности и жертвенной любви, как нечто, соединяющее раздробленное воедино, двух в одно, сегодня часто профанируются.

Когда современный молодой человек обнимает девушку, эти объятия чаще всего не выражают той глубины отношений, которую должны собою являть. Сегодня торопливые объятия чаще всего лишь традиционная прелюдия к сексуальным отношениям. Несколько дней или вечеров молодой человек обнимает девушку, и потом все как бы само собой должно перейти в интимные взаимоотношения.

Если девушка отказывает, молодой человек в недоумении: «Ты меня не любишь?»

Но ведь можно любить, дистанцируясь до времени от эротических отношений. Ведь любовь – это не только секс, любовь – это радость от того, что твоя душа нашла родственную, близкую, любимую душу.

Но говорить хочу совсем о другом.

О первой строфе:

**Жизни сладостные тайны
Обнимают все творенье.
Этот мир – стихотворенье
Об одной любви бескрайней.**

Посмотрите, как замечательно выражена эта идея: весь мир пронизан Божественной любовью. В Символе Веры мы говорим: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца Небу и земли...». Так вот вместо Творца в греческом оригинале стоит «Поэта». Бог сочетал премудро, как искусный художник, все элементы творения. Все на своем месте. Мир наш – более прекрасное и изящное сочинение, чем любая поэма, любая картина. Св. Василий Великий в знаменитом «Шестодневе», рассказывая о сотворении Богом мира, восклицает, что все части мира Бог скрепил некой силой, св. Василий называет эту силу симпатией. Все части мира стремятся одна к другой. Это так, как будто бы между всеми частями мира есть какая-то любовь, желание быть вместе.

Ну скажите, разве это не так? Разве вы не чувствовали, в летний день находясь на природе, как подогнаны все части окружающего вас мира одна к другой?

Ветер колышет траву, стрекочет кузнечик, с густым гудением пролетела пчела, солнце не просто греет, проливает медовые лучи на землю. Тихо, спокойно, ароматно. Чувствуешь такую радость, что не выразить словами. Каждый переживал подобное. В эти минуты легко верится в Бога, легко молиться.

Чувствовать это – значит чувствовать Бога, стоящего за всеми явлениями мира. Все пронизано Божественной красотой, любовью, живительной энергией благодати.

Дивны дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси... (**см. Пс. 103, 24**).

⁵ Иоанн (Шаховской), архиеп. Жалость к объятьям. / Избранное. Петрозаводск., «Святой остров», 1992. С. 560.

А вот второе стихотворение. Его автор – Феликс Кривин. Это детская книжка, вышедшая в Ужгороде в 1965 году. И вдруг среди других стихотворений наткнулся на одно, поразившее меня вот таким глубоко религиозным видением, а вернее, чувствованием мира.

Называется стихотворение «Любовь».

**Отвертки крутят головы Винтам,
На кухне все от Примуса в угаре,
Будильнику не спится по ночам —
Он все мечтает о хорошей паре.
Дрова в печи поют, как соловьи,
Они сгореть нисколько не боятся.
И все пылинки только по любви
На этажерки и шкафы садятся.⁶**

Не будем приписывать автору паламитское⁷ видение мира, это просто детская шутка, но посмотрите, с какой, я бы сказал, зоркостью автор замечает, что даже между банальными, привычными вещами мира есть таинственное взаимоотношение, говоря словами св. Василия Великого, симпатия.

Любовная лексика – крутит голову, быть от любви в угаре, не спать по ночам...

Дай, Господи, и нам чувствовать эту гармонию, это созвучие и любовь всех частей мироздания...

* * *

А вот замечательная мысль архиеп. Иоанна (Шаховского): «Благодать держит мир в огне... Земную пищу кладем в холодильник, чтобы сохранялась. Пища вечная хранится в пламеннике»⁸.

Это каламбур. Холодильник – и пламенник.

Что значит «пламенник»? Значит – горение нашей веры. Прохладность, равнодушие в вере недопустимы. Это смерть. Благодать огнем разгорается в мире. Либо ты берешь этот огонь и сохраняешь его как огонь, либо ты все теряешь.

Скажем, ты от полыхающего костра взял горящее полено. Пришел, положил в доме в железную бочку, закрыл, гордишься приобретением... Безумец, огонь погаснет. Только подбрасывая горячее, питая огонь, ты его сохранишь. Точно так же огонь благодати Св. Духа.

Если ты его принял – не храни под сосудом, не прячь.

Пользуйся и преумножай.

* * *

Каждый раз, когда я совершаю Таинство Крещения, я напоминаю пришедшим, что это за Таинство. Во время Крещения в душе человеческой зажигается огонь. И человек должен поддерживать это пламя. Молитвой, участием в Таинствах Церкви, добродетелями... Только так. Иначе огонь погаснет. Он не совсем исчезнет. Как в погасшем костре долго сохраняются искры, так и в душе крещеного, но не воцерковившегося человека искры благодати долго будут

⁶ Кривин Ф. Любовь. / Калейдоскоп. Ужгород, «Карпаты», 1965. С. 72–73.

⁷ По имени святителя Григория Паламы, богословски развившего и обосновавшего мысль о благодати Божией, пронизывающей весь мир.

⁸ Иоанн (Шаховской), архиеп. Афоризмы. / Избранное. Петрозаводск, «Святой остров», 1992. С. 565.

сохраняться. Но какая польза в этом? Разве искра согреет, разве искрой разогреешь пищу, отгонишь злых диких зверей?..

Разве искрой благодати прогонишь бесов? Напитаешься? Согреешься, когда холодный и жестокий мир окружит тебя в очередной раз?

* * *

К о. Вадиму пришел в гости знакомый протоиерей о. В. Разговариваем. Рассказывает, что сейчас восстанавливает огромный храм – уже... третий.

Приехал молодым священником 15 лет назад. Назначили на руины. За несколько лет поднял, и тут владыка его переводит на новый, совершенно разрушенный приход. И его полностью восстановил. Только стал жить спокойно, владыка переводит на новый приход – большой, полуразвалившийся храм.

Отец В. стал унывать. Делать ничего не хочется: вкладываешь всю душу, а тебя сразу переводят в другое место. Грустил.

Однажды ему откровение от Бога: «Восстановишь третий – спасешься!»

И он бодро и жизнерадостно теперь трудится.

* * *

...Купаемся в Азовском море. Совершили с детьми путешествие по берегу, смотрели, что интересного море выбрасывает. Нашли несколько черепков и ручку от кувшина или амфоры. Возможно, она старинная, поскольку в этих местах были поселения еще в глубокой древности, а может быть, просто ручка от кувшина столетней давности. Дети набрали полные карманы графита, черных, обточенных водой камней, которыми можно писать на бумаге и асфальте.

Лиза лежит, практически не вставая, чувствует себя ужасно. Ухаживаем за ней как можем. На прогулки ездим на такси, берем с собой подушки, на которые она, пройдя несколько шагов, ложится. Прямо на улице, на обочине. Люди подозрительно оглядываются.

Днепропетровск

В один из дней нашего пребывания в Днепропетровске мы отправились в исторический музей города. Самым сильным впечатлением было не то, что мы увидели в музее, а то, что увидели перед музеем. На специальной лужайке расставлено больше двух десятков каменных статуй. Это древние каменные бабы, идола половецких племен. Многие народы почитали Богиню-Мать, как сегодня называют такие изваяния специалисты.

Мы, живущие в христианское время, слишком далеки от языческой древности. Для нас это прошлое человечества *абстрактно*. Но ведь и тогда, изобретая идолов, искренние люди хотели за их личинами разглядеть лик Истинного Бога, мечтали приобщиться к Истине, Правде...

Вот и Богиня-Мать древних людей одна из добрых божеств. Богиня плодородия, жизни, позитивных ценностей...

Она покровительствовала всему живому. К ней, к Великой Матери, как считали древние люди, отходили души умерших. Благодаря ее помощи рождались на свет младенцы. У всех каменных статуй огромный живот, бедра, грудь. То есть подчеркнуты именно атрибуты материнства. А лица нет, гладкий камень или лишь намечено – Ее никто не видел, Она неизобразима!

Мимо проезжают трамваи, люди смеются и едят мороженое, вокруг каменных изваяний с визгом носятся дети. Статуи не «распаты» в музейном интерьере, не опошлены люминесцентным освещением. Они стоят на лужайке рядом с вековыми тополями и каштанами, на них прыгают солнечные зайчики.

Не страшно когда язычество уступило свое место высшей и подлиннейшей Истине – христианству. Страшно когда язычество цепляется за души и пытается повелевать умами и сегодня...

* * *

Днепропетровский музей оказался небольшим, но милым.

Самый интересный зал – первый. Это жизнь древних людей. Не доисторических, не неандертальцев, а так называемых кроманьонцев – живших около 10 тысячелетий до нашей эры: миски, каменные топоры, скребки, женские украшения...

Особенный интерес представляют останки древнего человека – полностью сохранившийся скелет из захоронения. Этот человек лежит, как написано на этикетке, «скорченно». На самом деле человек лежит в соответствии с древнейшим ритуалом захоронений – в позе спящего или в позе эмбриона.

Древние люди, безусловно, были религиозны. И они верили, что существует жизнь после смерти. Поэтому смерть – это как рождение в новую жизнь! Более того, интуитивные представления древних людей предвосхищали христианское откровение – например, откровение о воскресении всех из мертвых.

Во время похорон телу придавали позу эмбриона, лежащего в чреве матери. Пройдя через опыт смерти, человек когда-нибудь воскреснет, родится к новой жизни, как рождается младенец.

Иногда с этим сочеталась и поза «спящего». Смерть – это не конец, это лишь временный сон, за которым последует пробуждение.

Рядом – еще одна могила, но без костей. Это гора мамонтовых лопаток. Зачем? Просто в древности на мамонта никогда не охотились для еды. Это трудно, гораздо проще поймать другое животное, помельче, – оленя, зайца, кого-то другого, животных было изобилие.

Кроме того, если мамонта и убьешь, как эту гору мяса дотащить до пещеры? А если притащишь, запах протухающего мяса (ведь за день-два не съешь) привлечет диких зверей.

Исследование кострищ древних людей подтвердило предположение ученых. Мы знаем, что кости съеденных животных бросали в костер. Так вот в кострах были обнаружены тысячи костей самых разных животных (есть даже интересные описания процентного соотношения костей различных животных, найденных в кострах, по этому можно установить, что больше всего любил есть древний человек), но ни разу кости мамонта.

Но все же на мамонта охотились. Зачем? В религиозных целях. Мамонт, самое мощное животное, казался кроманьонцу носителем божественной силы. Его кости служили для ритуалов, их носили на себе как амулеты. Наконец, самое главное! Лопатки мамонта, огромные две лопасти, похожие на лопасти винта большого корабля, использовались при погребении самых знатных людей – вождей, воинов и проч. Погребенного прикрывали этими лопатками, как щитами. Умершего хранила сила великого мамонта.

И вот как раз подобная удивительная могила – похожие на лопасти корабельного винта лопатки мамонта, прикрывающие прах древнего кроманьонца.

В музее, в отделе начала XX века, много добрых деталей. Например, дореволюционное домино (дети этим летом как раз научились играть в домино), расписные пасхальные яйца, глиняный чан (в полтора роста человека) для варки пива и проч.

Но самое интересное – интерьер кооперативной лавки 20-х годов XX века. Примусы, самовары, штабелями хозяйственное мыло, на отдельной полке нитки и иголки. Буханки хлеба, окорок, яйца в корзинке, огромный рак, много-много всего, матово мерцают зеленые бутылки, запотевшие крынки со сливками. Все это – за стеклом, там мерцает тусклая лампочка, все настоящее, старинное. В эту лавку есть и дверь, но она закрыта на замок. Такой маленький мир создан.

Дети (четверо), прильнув к стеклу, благоговейно все это рассматривают и мечтают: вот бы попасть туда и там поиграть в магазин.

Уля: Папа, а нас могут туда пустить?

Я: Нет, кто мы такие, чтоб нас туда пускали?..

Уля: А кого могут?

Я: Думаю, что, если Путин приедет и захочет войти, его впустят.

Уля с гордостью поворачивается к девочкам (детям о. В.) и говорит:

– Путин – это так зовут нашего президента.

Юля, младшая дочка о. В., спрашивает:

– А если наш президент приедет, его пустят?

Я: Пустят.

Уля думает, потом говорит:

– А если сказать, что мы дети Путиной, нас пустят?

Юля перебивает:

– Отец Константин, тогда скажите, что мы дети Кучмы.

Вечером Лиза спрашивает Улю:

– Что тебе больше всего понравилось в музее? Назови только две вещи.

Уля (7 лет):

– Череп и древнее домино. (Под черепом Уля разумела скелет из погребений.)

28 августа 2004

Днепропетровск. 12 часов ночи

Сегодня мы хотели уехать в Петербург, но не получилось. С билетами было невероятно сложно, все едут с Украины домой, к началу учебного года, все раскуплено уже месяц назад. Через людей, у которых мы живем, вышли на начальника железнодорожного вокзала.

Сложили и вынесли вещи, простились, но вдруг, за час до отправления, все изменилось. Наши билеты (личная бронь начальника вокзала) затребовал губернатор для своих родственников.

Так мы остались в Днепропетровске еще на несколько дней. Только что уложил всех спать. Все сначала загрузили, а потом подумали: собственно, вся наша жизнь – это узор на божественном ковре жизни. Есть хорошая поговорка: если хочешь насмешить Бога, расскажи Ему о своих планах. Мы тоже планировали завтра быть в Петербурге. Сейчас, в эти минуты, когда я пишу эти слова, мы были бы где-нибудь в районе Харькова. Засыпали бы, наевшись картошки с малосольными огурцами, купленными у старушек на станции. Но мы еще здесь, в Днепропетровске. Опять нам сияют огни высотных домов, под нами лежит весь город. Капает вода из крана. Тикают часы. Передо мной лежит Уля. Вчера она заболела. Сейчас она во сне пыталась нащупать что-то, я дал ей свою руку. Она эту руку поцеловала и нежно прижала к себе. Лежит и сопит.

Слава Тебе, Господи, за наших близких!..

Осень 2004

Мне в храме вручили пакет: «Для вас передала одна прихожанка». В пакете – фотопортрет одного ленинградского протоиерея (Бориса Николаевского), умершего в 1954 году. И книга под названием «Духовные беседы»: его проповеди, беседы, воспоминания об о. Борисе духовных чад.

Почему мне дали это? Какое отношение я имею к протоиерею, почившему полвека назад?

Может быть, Господь прояснит со временем. Во всяком случае, я стал молиться о нем.

Вот один случай из этой книги.

Отец Борис дружил с Е. Поселянином⁹, известным духовным писателем. В 1930 году Е. Поселянин был арестован, и о его судьбе никто не знал. Однажды, в 31-м году, отец Борис совершал во время Всенощного бдения каждение в храме. Видит на клиросе своего друга. Обрадовался, думал, что того отпустили. Но когда о. Борис подошел ближе, Е. Поселянин раскрыл свой пиджак и показал на груди пулевые отверстия. Отец Борис мысленно спросил: «Когда?» Поселянин указал на икону Трех Святителей. Действительно, впоследствии узнали, что Е. Поселянин был расстрелян 12 февраля, в день Трех Святителей...

Отец Борис очень усердно молился за усопших. Их имена он записывал в помянники и во время богослужения, в алтаре, полностью их прочитывал. По воспоминаниям схимонахини Евстафии, когда она навестила больного о. Бориса незадолго до его кончины, он сказал ей: «Катенька, вот я сижу, а покойнички идут, идут... кланяются и благодарят меня за молитвы...».

* * *

Св. Иоанн Златоуст рассказывает о беседе со своим учителем, знаменитым ритором Либанием: «Желая узнать, по обыкновению, от окружавших его, кто я таков, и услышав от кого-то, что я сын вдовы, он спросил меня о возрасте моей матери и о времени ее вдовства. И когда я сказал, что ей сорок лет от роду и что двадцать лет уже прошло, как она лишилась моего отца, он изумился, громко воскликнул и, обратившись к присутствовавшим, сказал: «Ах! Какие у христиан есть женщины!»¹⁰ Так сказали про мать св. Иоанна Златоуста, а про нас подобное можно сказать?

⁹ Особенно известна его книга о жизни Пресвятой Богородицы. Е. Поселянин канонизирован как новомученик в 2000 году.¹ К молодой вдове./Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста в 12 т. СПб., Духовная Академия, 1898. Том

¹⁰ книга 1. С. 374–386.

Январь 2005

На время моего священства выпала честь окормлять последнее поколение людей, заставших Великую Отечественную войну и блокаду.

Многие приходят на исповедь и приносят грехи, мучившие их шесть десятилетий. И вот только сейчас получают от Бога прощение и утешение своей душой.

Во время блокады моим нынешним прихожанкам было по 10–20 лет.

И вот уже в XXI веке, перед Крестом и Евангелием, оживают реалии более чем полувекковой давности.

Старушка. Когда началась война, ей было 12 лет. Папа с фронта чудом передал продовольственную посылку. Соседка по коммунальной квартире выкрала половину посылки, вторую половину они сохранили и экономно ели. И вот однажды в дверь стучит соседка по подъезду. Она умирает от голода (через день действительно умерла) и умоляет дать ей перед смертью полить пустую консервную банку. Хотя запах еды. Девочке жалко и соседку, и банку. Она плачет и не открывает. Соседка поскреблась, поплакала и ушла к себе умирать.

И вот уже 60 лет эта женщина оплакивает свою детскую жестокость и жадность...

Спрашиваю сотрудника нашего храма:

– Как вы пережили блокаду? (Он был маленьким мальчиком.)

– Да как... Мама говорила: мы тебя чудом не съели.

Прихожанка:

– Во время бомбежек мы в этом соборе (Троицком Измайловском) прятались.

– Так собор же мог рухнуть, и вы бы погибли...

– А вот у всех вера была, что Бог не допустит, чтобы в собор попала бомба. И многие люди здесь сидели.

Спрашиваю:

– Как выжили в голод?

– Мама работала учительницей, это и спасло. С нами в школе жили дети, у которых умерли родители. Мы жили в школе, спали все вместе, двадцать человек детей, обнявшись, и так не умерли от холода. А питались так: мама от каждого кусочка хлеба отщипывала, все это мы клали в кастрюлю и варили. У нас было и первое – похлебка из вареного хлеба, и второе – кусочек хлеба.

Таксист везет меня в храм и говорит:

– Надо бы тоже зайти и причаститься... Лет пятьдесят в церкви не был. Я ведь у Никольского всю блокаду прожил. И каждый день меня бабушка вела в собор, и там поп мне давал сладкую крошечку хлеба с вином. Очень мне это нравилось. Холод, страшный голод, а там огоньки, поют, и крошечка хлеба со сладким вином...

В страшной блокадной теме есть и курьезные моменты. Один мужчина спросил меня после службы:

– Батюшка, когда по учению Церкви начинается человеческая жизнь: с рождения или с зачатия?

– Конечно, с момента зачатия, – ответил я.

– Ага! – воскликнул мужчина. – Вот и я пытаюсь уже много лет доказать чиновникам, что я должен получать льготы блокадника. Я в это время был зачат.

...Поэтому в Петербурге, если у панихидного столика помещена молитва за усопших, почти всегда в ней есть слова: «И всех, во дни блокады во граде сем от глада и хлада скончавшихся и от ран погибших...»

Май 2005

Наша приемная дочь Катя имела очень большие проблемы с учебой и поведением в школе. Из-за этого ей пришлось уже сменить три школы. И вот она попадает в третью школу, и здесь впервые у нее складываются отношения с ребятами. И мы очень не хотели бы забирать ее из этой школы.

Придя на родительское собрание в сентябре, с изумлением вспоминаю, что это та самая школа, которую я освящал пять лет назад. И вот теперь меня вызывают к директору и объявляют, что из-за плохой успеваемости и поведения Катю исключают из школы. Спрашиваю директора:

– Вы меня не узнаете?

– Нет.

– Я освящал вашу школу пять лет назад.

Директор всматривается, восклицает:

– О! Теперь я вас узнала. Конечно, мы должны Катю еще потерпеть.

Из этого я сделал вывод: Господь знал обо всем этом и промыслительно устроил все как лучше еще задолго до того, как мы взяли Катю. Поистине волос с головы не упадет без Его воли.

* * *

Купили велотренажер. И вот, когда заносил его в комнату, из иконного угла, сорвавшись со стены, упала на пол икона св. великомученика Пантелеймона. Что это? Знак, что прежде всего нужно в отношении своего здоровья уповать на Бога, а не на тренажеры?..

14 мая 2005

Одна женщина, наша прихожанка, дошла до крайней степени отчаяния от того, что ничего в жизни ее и детей не получается, не складывается. И вот однажды ей стало так плохо, что, не в силах быть дома одна, она попросила сына остаться с ней. Но сын, сославшись на то, что кого-то сильно подведет, если не придет на встречу, ушел. Женщина позвонила дочери, а та прислала электронное сообщение: «Не могу прийти, но люблю и целую мамулю». Женщина впала в такое уныние, что хотела наложить на себя руки. Тогда она громко вскричала: «Почему, Господи, никто не побудет со мной, почему меня все бросили?» И тут услышала внутри себя слова: «Вот так и Меня в Гефсиманском саду все бросили». И сразу в душе наступил покой.

19 мая 2005

День памяти св. Иова Многострадального. Говорил проповедь.

Богобоязненный, благочестивый человек, но сатана сказал Богу, что это оттого, что у Иова все хорошо, у него легкая, благополучная жизнь. Легко верить в Бога, благодарить Господа, когда у тебя все в порядке. Господь попускает сатане испытать Иова. Тот остается верен Богу. И даже на самой глубине страданий он не теряет веры. Это его «А я знаю, Искупитель мой жив...».

Но все же Иов задает вопрос: почему? Каков смысл этих его страданий? И тогда Господь начинает с ним говорить. Он говорит Иову «из бури»: Препояшь ныне чресла твои, как муж. Я буду спрашивать тебя, а ты отвечай... (**Иов 38, 1–3**). Препояшь чресла – как воин. Ты спрашивал? Так выходи на разговор с Богом, как мужчина, как тот, кто отправляется на битву. И Господь беседует с Иовом. Бог не объясняет: это Я сделал потому, а это поэтому. Он просто показывает Иову грандиознейшую картину Своей мощи. *Где ты был, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь...* (**Иов 38, 4**).

Мы словно присутствуем при Миротворении. Вот оформляется Вселенная, грохочут волны океанских вод... «Был ли ты, когда земля изменилась, как глина под печатью, и стала, как разноцветная одежда?» Мы представляем, как наша планета обрела вид, расцветилась ковром лугов и полей, подобно прекрасной разноцветной одежде... Все это – в руке Божией, Он все это вывел из тьмы небытия к свету жизни. Более того, Господь сотворил великое таинственное чудовище – Левиафана, живущего в океане. Иов молчит. Он потрясен. Ответил ли Господь на его вопрос – откуда и зачем его страдания? Почему все вот так, а не иначе?

Ответил, но не так, как хотелось бы нам. Господь просто показал вершину Своего могущества!

А если Он – Творец, то и Промыслитель, и заботливый Отец. Бог не дает нам права знать, почему то или иное случается. Нам достаточно знать, что Его могущество беспредельно. И доверять: если что-то происходит, то по Его воле. Просто доверять! Иов, уразумев это, восклицает: *Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено...* Я говорил о том, чего не разумел, о делах, чудных для меня, которых Я не знал... (**Иов 42, 2–3**).

Итак, Бог – Творец и заботливый Отец. Нам часто хочется, чтобы Господь дал знак, явился. А Он скрывается. Почему? Да потому, что Господь знает меру веры каждого. И испытания свыше силы веры не дает. Как Иову Господь не являлся до последнего, зная, что тот выдержит, выстоит, так и многим из нас. Неприятности, горе, болезни, проблемы – будем радостно и без ропота переносить их – Господь знает, зачем это. Знаки, чудеса, говорили св. отцы, – это подпорки для маловерующих. Когда к одному современному святому, афонскому старцу Ефрему Катунаскому, приехал один студент, в жизни которого было много сверхъестественных явлений, знамений, старец сказал: «Бедный, это потому, что у тебя слабая вера... Вот Господь тебя и поддерживает в вере этими вещами. Но помни, что блаженны не видевшие, но уверовавшие». Последние столетия – время ослабления веры в людях. Господь, конечно, приходит на помощь даже маловерным.

Трансляции из Иерусалима, когда мы видим своими глазами, как сходит Благодатный огонь, как он не обжигает руки и лица первое время... Приоткрытие тайны жизни после смерти, когда вот прямо на операционном столе, придя в себя, люди рассказывают о том, что видели что-то по ту сторону жизни... Все это – подпорки нашей немощной вере. Дай Бог сил верить и без этих костылей. И дай Бог сил с благодарностью принимать все – и хорошее, и, как нам кажется, не очень – от Него с благодарностью!

* * *

Читаю статью Роберто Ассаджиоли «Духовное развитие и нервные расстройства». И вот мысль: «Обычный человек опирается, не задумываясь, на безусловную реальность обыденной жизни. Он крепко держится за земные блага, которые имеют для него позитивную ценность. Таким образом, земное существование практически является для него самоцелью. Даже если он верит при этом в будущий рай, вера его является теоретической и академической. Да и попасть в этот «рай» он будет стремиться как можно позже...» Обратим внимание на последнее предложение. Как верно! И как далеки мы от первохристианского упования, что смерть – приобретение, потому что она соединяет со Христом. Древние христиане ждали смерти как радости встречи с любимым, с Господом. Мы, верно сказано, верим в рай, но предпочитаем попасть туда как можно позже. И опять приходит на память возглас первохристиан, которым они заканчивали Литургию: «Маранафа, Гряди,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.